

Айрина Лис

Пансионат "Вечный
Покой" с видом на
Апокалипсис

Айрина Лис

Пансионат "Вечный Покой"
с видом на Апокалипсис

«Автор»

2026

Лис А.

Пансионат "Вечный Покой" с видом на Апокалипсис / А. Лис —
«Автор», 2026

Анна Смородина, менеджер по продажам пластиковых окон, умерла героически, но глупо: спасая соседского кота, поскользнулась на мандариновой корке и ударилась головой о садового гнома. Вместо рая или ада её душа попадает в санаторий «Вечный Покой» — загробную бюрократическую машину, где эмоции стали валютой, ужас — золотом, а скука — фальшивкой. Здесь верховодит идеальный менеджер Грэг, превративший чужие страхи в топливо для Конвейера Истории. Соседями Ани оказываются пафосный Тёмный Властелин, проваливший порабощение мира из-за шрифта Comic Sans, инкуб-романтик с хвостом-сердечком и библиотекарь из Атлантиды, чьи пророчества предсказывают исключительно котлеты. Но у Ани есть суперсила — сарказм, здравый смысл и умение заполнять накладные. И когда система пытается выкачать из неё страх, она отвечает самым опасным оружием — скукой и искренним смехом. Абсурдная, остроумная и уютно-мрачная история о том, что даже в загробной бюрократии можно найти любовь, друзей и Wi-Fi.

© Лис А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: «Окно возможностей, или Смерть со скидкой»	5
Глава 1: «Очередь на переучёт»	12
Глава 2: «Добро пожаловать, или Вам у нас понравится»	22
Глава 3: «Завтрак утопленников»	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Айрина Лис

Пансионат "Вечный Покой"

с видом на Апокалипсис

Пролог: «Окно возможностей, или Смерть со скидкой»

Вторник в Подольске начинался так, словно сама Вселенная забыла сменить пластинку. Заевшая мелодия бытия звучала в тональности «серый пиксель». Анна Игоревна Смородина, тридцати четырёх лет от роду, стояла у кухонного окна типовой панельной девятиэтажки и смотрела, как дождь старательно размывает остатки человеческого оптимизма. Капли стучали по жестяному отливу с монотонной настойчивостью бухгалтера, пересчитывающего копейки в одолженной до зарплаты тысяче. Стук-стук-стук — не музыка, а метроном безнадёги.

Аня сделала глоток кофе. Кофе был остывшим и горьким, как компромисс с совестью. Она даже не помнила, когда успела его сварить. Кажется, в прошлой жизни. Или позавчера. Впрочем, в её системе координат прошлая жизнь и позавчера были практически синонимами.

Окна в её квартире (пластиковые, двухкамерные, установленные по себестоимости, но с непростительно завышенной наценкой за «сложный монтаж») выходили во двор-колодец. Не во двор — в колодец. В бетонный мешок, куда солнце заглядывало исключительно по большим календарным праздникам и то, если правильно заполнить заявление в двух экземплярах. Сейчас, в середине апреля, когда по календарю полагалось цвести садам и петь соловьям, этот колодец был пропитан запахом сырости, выхлопных газов от припаркованной в неположенном месте «Газели» и чьей-то подгоревшей каши, которую, судя по интенсивности аромата, готовили сразу на весь подъезд.

Аня машинально провела пальцем по гладкой поверхности стеклопакета. ПВХ. Поливинилхлорид. Её хлеб. Её пожизненное заключение. Десять лет продаж. Десять лет она объясняла людям разницу между трёхкамерным и пятикамерным профилем так, словно от этого зависела судьба человечества. Возможно, где-то в параллельной вселенной так и было.

Сделав ещё один глоток кофейной горечи, Аня мысленно составила накладную на свою жизнь, и цифры, как всегда, не сошлись.

«Итого, — подвела она безжалостный баланс, глядя в мутное небо, с которого сеялась бесконечная водяная пыль. — Активы: однокомнатная квартира в ипотеке, остаток по кредиту — как стоимость небольшого самолёта. Должность ведущего менеджера по продажам, что на деле означает просто "менеджер, который ведёт всё, потому что остальные менеджеры уволились". Личный автомобиль — отсутствует, зато есть проездной на электричку с выцветшей фотографией трёхлетней давности. Семейное положение — "активный поиск", затянувшийся настолько, что поисковый отряд пора награждать медалями за выслугу лет. Хобби — коллекция магнитов на холодильнике с изображениями мест, где я никогда не была и, судя по всему, никогда не буду».

Магнитов было тридцать два. Париж, Лондон, Рим, Барселона — целая география нереализованных мечтаний, приклеенная к белому боку старого «Атланта», который гудел так, словно внутри него работало небольшое привидение. Аня покупала их в киосках «Союзпечати» и в сувенирных лавках на вокзалах, когда провожала кого-нибудь. Провожать ей приходилось часто. Уезжали все: подруги, коллеги, даже случайные знакомые. Уезжали в отпуска, в декреты, в новые жизни. А она оставалась в Подольске, пополняя коллекцию новым магнитом и ощущением, что её личный сюжет кто-то поставил на бесконечную паузу.

Напротив холодильника, на подоконнике, ютился фикус по имени Альберт. Это был чахлый, страдальческий фикус с листьями, поникшими, как уши спаниеля, которому сообщили, что он не породистый. Аня разговаривала с ним по утрам. Это был её маленький ритуал, заменивший психотерапевта и кота. Кот был соседский, а фикус — свой. И, в отличие от кота, фикус не орал по ночам, не драл обои, и его не нужно было снимать с деревьев.

— Доброе утро, Альберт, — произнесла Аня мертвенно-спокойным голосом, каким обычно просят передать соль за семейным ужином, переходящим в скандал. — Как спалось? Тебе хорошо, ты растение. У тебя нет квартального отчёта. И тебя не душит налоговая. Ты даже не представляешь, какое ты счастливое, зелёное создание.

Альберт в ответ промолчал, но Аня уловила в его молчании лёгкий упрёк. Кажется, она забыла полить его вчера. Или позавчера. Или на прошлой неделе. Время в её жизни текло, как густой кисель, где дни слипались в один бесконечный серый ком.

Допив остатки кофейного бунта против реальности, Аня развернулась к комнате. Квартира, доставшаяся ей по наследству от бабушки, всё ещё носила следы чужого уюта, который Аня никак не могла сделать своим. Обои в мелкий розовый цветочек, которые она планировала переклеить три года назад, но так и не выбрала время. Или не нашла денег. Или не нашла достаточно веской причины, чтобы начать этот бесконечный ремонт в одиночку. Книжный шкаф, заполненный любовными романами и справочниками по строительным материалам. Криво висящая полка с грамотой «Лучший менеджер по продажам окон ПВХ — 2016». Грамота пожелтела по краям, как фронтовое письмо.

Её взгляд упал на носки, разбросанные у кровати. Один синий, другой чёрный. Символично.

— Вот она, жизнь, — пробормотала Аня, наклоняясь, чтобы их поднять. Суставы предательски хрустнули. — Тридцать четыре года, а уже звучишь, как рассохшийся паркет. Bravo, Смородина. Ты — ходячая реклама здорового образа жизни, только наоборот.

Натягивая носки, Аня вела мысленный диалог с самой собой. Это был её способ не сойти с ума в тишине пустой квартиры. Внутренний голос, циничный и безжалостный, заменял ей и друга, и критика, и того самого «внутреннего родителя», о котором вещали модные психологи.

«А помнишь, как ты хотела стать актрисой? Или художницей? Или кем угодно, только не продавцом окон?» — ехидно поинтересовался внутренний голос.

«Помню, — мысленно ответила Аня, борясь с молнией на джинсах. Молния заела. — Я хотела стать кем угодно, у кого нет квартального плана».

«И как успехи?»

«Отлично. Я — винтик в механизме. Но зато винтик с высшим образованием и возможностью брать окна по себестоимости. Не у каждого винтика есть такие привилегии».

Джинсы, наконец, поддались. Это были старые, вытертые до белёсых полос джинсы, которые помнили ещё те времена, когда Аня верила, что жизнь — это увлекательное приключение. Теперь они просто были удобными. И не жали. И это был их главный вклад в её эмоциональное благополучие.

Поверх футболки с Микки Маусом (подарок от коллег на какой-то Новый год — ирония заключалась в том, что Микки улыбался так, словно знал, что его подарят именно ей) Аня накинула старую кофту. Кофта была растянутой, но тёплой. И пахла домом. Тем самым домом, которого у неё никогда не было по-настоящему.

Она бросила взгляд в зеркало, висевшее в прихожей. Из зеркала на неё смотрела женщина с усталыми глазами и причёской «я только что проснулась и уже устала». Русые волосы, собранные в небрежный пучок, который держался исключительно на честном слове и одной шпильке. Серые глаза, в которых плескалась вселенская тоска, приправленная изрядной долей сарказма. Нос, чуть вздёрнутый, словно принимающий к жизни на предмет подвоха.

«Я как Windows, — вдруг подумала Аня. — Требую обновления, но вечно зависаю на этапе "подготовка к установке, не выключайте компьютер"».

И она, подмигнув своему отражению с той долей самоиронии, которая заменяла ей жизнелюбие, наконец отвела взгляд. Собираться на работу не хотелось. В офисе её ждали: десяток неотвеченных писем, начальник Сергей Валерьевич с его вечными намёками на «недостаточную активность в привлечении клиентов», и целая кипа каталогов новых оконных систем, которые она должна была изучить до обеда.

Но сначала нужно было выйти на улицу. Потому что во дворе кричали.

Сначала Аня не обратила внимания. Во дворах всегда кто-то кричал. Дети, пьяные, соседи, выясняющие, кто занял чьё парковочное место. Это был естественный звуковой фон панельной застройки. Но этот крик был другим. Он был пронзительным, полным отчаяния и какой-то животной, безысходной тоски. Так не кричат люди. Так кричат существа, которые не могут позвать на помощь словами.

Аня подошла к окну и отдёрнула занавеску.

На старом тополе, что рос прямо посреди двора, на высоте примерно третьего этажа, сидел кот. Кот был рыжим, наглым и донельзя мокрым. Он вцепился в ветку всеми четырьмя лапами с видом пассажира «Титаника», осознавшего, что спасательных шлюпок на всех не хватит. Его звали Тимофей, он принадлежал соседу из третьего подъезда — вечно пьяному, но беззлобному Петровичу, который завёл кота, по его собственным словам, «для души», но душу свою заливал так регулярно, что кот давно перешёл на самообеспечение и на содержание всего подъезда.

— Мя-я-я-я-я-я-я! — орал Тимофей, и в этом вопле Аня отчётливо услышала нечто среднее между просьбой о немедленной эвакуации и требованием вызвать МЧС, полицию и лично президента.

Ветка, на которой он сидел, была старой и ненадёжной. Она предательски трещала под весом даже такого некрупного животного, а ветер, гулявший по двору, раскачивал её из стороны в сторону, добавляя в кошачью истерику нотки морской качки.

Внизу, задрав голову, стояла тётя Зина — бессменный страж подъезда, хранительница сплетен и местный сейсмограф общественного мнения. Ей было далеко за семьдесят, но энергии в её сухоньком теле хватало на освещение небольшого города. Она куталась в пуховый платок, несмотря на апрель, и громко, на весь двор, давала коту советы.

— Слезай, дурак! — кричала она, размахивая клюкой. — Слезай, тебе говорят! Вот упадешь, кто тебя лечить будет? Петрович твой опохмеляется до вторника!

Тимофей в ответ только крепче вцеплялся в ветку и орал громче. Диалог явно не складывался.

Аня смотрела на эту сцену из своего окна, и в её душе боролись два чувства. Первое — глухое раздражение. Вечное, фоновое раздражение, которое она испытывала ко всему живому, что требовало её участия. Второе — жалость. Кот был живой, тёплый и безумно напуганный. И он не сам залез на это дерево. Его загнала туда свора бродячих собак, которые теперь, довольные проделанной работой, скрылись в неизвестном направлении.

— Петрович! — закричала тётя Зина, стуча клюкой по мусорному баку. — Петрович, ирод! Твой кот на дереве сидит!

Но Петрович не отзывался. Окна его квартиры на первом этаже были глухо зашторены. Судя по всему, «для души» он принял ещё вчера, и теперь душа его витала в таких эмпиреях, откуда не докричишься.

Вокруг начали собираться зеваки. Вышла молодая мамаша с коляской, из которой выглядывал младенец, явно заинтересованный происходящим больше, чем все взрослые вместе взятые. Вышел старик с болонкой, которая, завидев кота, залилась истерическим лаем, добавив

в общую какофонию свою лепту. Вышли две девушки-подростка и тут же принялись снимать происходящее на телефоны — видимо, для истории и будущих поколений.

А кота не спасал никто.

Аня вздохнула. Глубоко, обречённо, словно перед прыжком в ледяную воду. Она знала этот вздох. Он всегда предшествовал тем её поступкам, которые она потом называла «приступами острого идиотизма».

— Ну почему я? — спросила она у фикуса Альберта, поворачиваясь к нему. — Почему обязательно я? Вон сколько людей во дворе. Вон, даже девушки с телефонами. Может, они снимут героический ролик и станут звёздами интернета.

Альберт промолчал, но его молчание на этот раз было красноречивее любых слов. «Потому что ты единственная, кому не всё равно», — говорило это молчание. «Потому что иначе ты будешь стоять у окна и смотреть, как кот разбивается, и потом всю оставшуюся жизнь корить себя, что ничего не сделала».

— Ты прав, — вздохнула Аня. — Ты чёртово растение, но ты прав.

Сборы были недолгими. Менять джинсы на что-то более подходящее для скалолазания она не стала. В конце концов, не в вечернем же платье лезть на дерево, верно? Единственное, что она сделала — сунула ноги в тапки. Это были её любимые домашние тапки в виде зайцев: с длинными ушами, пушистым мехом и вышитыми мордочками. Подарок от коллег на Восьмое марта три года назад. Они были нелепыми, абсолютно нефункциональными (мех давно свалялся, а подошва скользила даже по линолеуму), но Аня их любила. За то, что они напоминали ей, что в жизни есть место не только квартальным отчётам, но и бессмысленным, тёплым, пушистым глупостям.

— Если что, Альберт, — сказала она, натягивая тапок на правую ногу (левый тапок-заяц куда-то запропастился, и она, недолго думая, сунула ногу в старый спортивный тапок без пары), — если что, ты был лучшим фикусом в моей жизни. И единственным. Пожалуйста, не умирай, пока меня не будет.

Она выскочила из квартиры, хлопнув дверью так, что с косяка посыпалась штукатурка, и бегом спустилась по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Подъезд встретил её привычными запахами: сырой штукатурки, кошачьей мочи (привет, Тимофей) и чьих-то жареных пирожков. На стенах, покрытых облупившейся краской, красовались граффити «Петя — дурак» и «Окна ПВХ от Смородиной — дёшево и сердито!». Последнее она оставила сама, в порыве рекламного энтузиазма, который быстро угас, оставив после себя только это позорное напоминание.

Когда Аня выскочила во двор, холодный дождь ударил ей в лицо, моментально приклеив волосы ко лбу, а футболку с Микки Маусом — к телу. Тапок на левой ноге (тот самый, бесхозный, непарный) тут же промок, и нога в нём стала скользить, как рыба в полиэтиленовом пакете.

— Ну, наконец-то! — всплеснула руками тётя Зина, увидев Аню. — Анька, ты чего в тапках-то? Убьёшься же! Там ветки скользкие, мокрые, дождь вон какой!

— Если что, Альберта полейте! — крикнула в ответ Аня, подходя к тополи и оценивая масштаб бедствия. — И передайте Петровичу, что его кот — рецидивист!

Тополь был старым и высоким. Его морщинистая, потрескавшаяся кора блестела от влаги, а ветви, тянущиеся во все стороны, напоминали скрюченные артритом пальцы какого-то подземного великана, который пытался выбраться наружу. Нижние ветки были обломаны — видимо, местные мальчишки постарались — и Ане предстояло карабкаться по скользкому, мокрому стволу без всякой страховки.

— Может, пожарных вызовем? — неуверенно предложила одна из девушек с телефоном, отрываясь от съёмки.

— Чтобы они на кота поехали? — хмыкнула тётя Зина. — Да им только повод дай. Они и так в прошлый раз на соседский унитаз выезжали, думали, там кто-то кричит.

Аня не стала слушать дальнейшие прения. Она вцепилась в шершавый ствол, нащупывая ногами опору для подъёма. Тапок-заяц на правой ноге тут же предательски скользнул, но Аня, мысленно выругавшись (нецензурно, но очень ёмко), удержалась, ухватившись за какой-то выступ на коре. Кора была холодной, мокрой, и под ногти сразу набилась грязь.

«Так, Смородина, — скомандовала она себе. — Ты — менеджер. Ты умеешь решать проблемы. Рассматривай это как сложные переговоры. Объект переговоров — рыжий и орущий. Задача — спустить его вниз, не убившись самой. Коэффициент сложности — высокий. Риски — критические».

Она подтянулась, и мир вокруг сузился до серой, мокрой коры перед глазами и орущего рыжего пятна где-то вверху. Сердце колотилось о рёбра так, словно пыталось вырваться наружу и сбежать от этой безумной хозяйки. Мышцы, не привыкшие к таким нагрузкам, протестующе ныли. Аня не была спортсменкой. Она даже в спортзал-то записалась только однажды, и то потому, что ей подарили абонемент на день рождения, и она чувствовала себя обязанной. Абонемент пролежал в ящике стола полгода и был выброшен с чувством глубокого, неподдельного облегчения.

Метр. Ещё метр. Ещё полметра. Дождь усиливался. Вода текла по лицу, смешиваясь с потом. Футболка намочла и стала тяжёлой. Тапок-заяц норовил соскользнуть при каждом движении.

— Анька, осторожней! — крикнула снизу тётя Зина, и её голос был полон искренней тревоги. — Там сук гнилой, я ещё в прошлом году говорила, чтобы спилили!

Аня покосилась вниз. Земля была далеко и выглядела неубедительно. Если упасть с такой высоты, то переломами явно не отделаешься. А будет полноценный полёт в Вальгаллу. Или куда там попадают менеджеры по продажам окон ПВХ после смерти.

«В бухгалтерию, — мрачно пошутил внутренний голос. — В самую страшную, вечную, бесконечную бухгалтерию, где нужно сводить дебет с кредитом, и цифры никогда не сходятся».

С этой ободряющей мыслью она добралась до ветки, на которой сидел Тимофей. Кот, увидев её так близко, на секунду замолчал, и в его зелёных глазах мелькнуло выражение, которое Аня не могла расшифровать. Не благодарность. Скорее, изумление, смешанное с профессиональным скепсисом. «Ты? — говорили его глаза. — Ты — мой спаситель? Не пожарный в блестящей каске, не супергерой с плащом, а ты в тапках-зайцах и с размазанной тушью? Ну, дела...»

— Иди сюда, — прохрипела Аня, протягивая к нему руку. — Иди, кому говорят. Домой пойдём. Там сухо. И есть сосиски. У меня есть сосиски.

Сосиски были ложью. Никаких сосисок у неё не было. Сосиски были тактическим ходом, маркетинговой уловкой, на которую, как надеялась Аня, кот купится, как неопытный клиент на рекламную акцию «три окна по цене двух». Но Тимофей был котом опытным. Он знал цену человеческим обещаниям. Он сидел, вцепившись в ветку, и не двигался с места, глядя на Аню с немым укором.

— Вот же упрямое животное, — прошептала Аня, понимая, что уговоры тут не помогут.

Тогда она, стараясь сохранять равновесие, сделала последний, самый опасный рывок. Ухватившись одной рукой за ствол, она второй попыталась схватить кота за шкуру. Ветка под ногой предательски хрустнула, и Аня почувствовала, как её тело теряет опору.

На долю секунды мир замер. Аня замерла. Кот замер. Даже дождь, кажется, прекратился, чтобы не пропустить самое интересное.

А потом Аня сделала то единственное, что могла сделать в этой ситуации. Она рванулась вперёд, схватила кота, прижала его к груди и, потеряв равновесие окончательно, заскользила вниз по мокрой коре, обдирая руки и щёки, но не разжимая объятий.

Это были секунды чистого, незамутнённого ужаса. Она слышала треск веток, собственное прерывистое дыхание, истошный кошачий вопль и где-то на периферии — взволнованные крики тёти Зины и аханье толпы. Она не думала о смерти. Она думала только о том, чтобы не выпустить это тёплое, мокрое, дрожащее тельце из рук.

Приземление было жёстким, но не смертельным. Какой-то чудом уцелевший сук затормозил её падение, и Аня буквально съехала по нему, как пожарный по шесту, на сырую землю, усеянную прошлогодними листьями и окурками. Кот, всё это время оравший благим матом, вырвался из её рук и пулей метнулся в сторону подъезда. Его рыжий хвост мелькнул и исчез за дверью, которую кто-то услужливо приоткрыл.

— Живая! — выдохнула тётя Зина. — Анька! Ты как?

Аня сидела на земле, тяжело дыша, и чувствовала, как по спине течёт холодная вода. Она подняла голову и увидела, что вокруг неё собралась целая толпа. Смотрели с уважением, с восхищением, даже с завистью. Одна из девушек всё ещё держала телефон, снимая Аню крупным планом.

«Вот он, мой звёздный час, — подумала Аня. — Сажу в грязи, в одном тапке, с ободранными руками и с веткой в волосах. Картинка для соцсетей: "Героиня нашего времени"».

Она начала подниматься. Мышцы ныли, руки дрожали, а перед глазами всё ещё плыли круги. Но она была цела. И кот был цел. И ради этого стоило рисковать, верно?

Она сделала шаг. Поскользнулась. Опустила глаза и увидела под своей ногой мандариновую корку. Ярко-оранжевую, свежую, словно только что брошенную. Кто-то праздновал Новый год в апреле. Кто-то, кому было плевать на уборку территории.

— Вот же... — начала Аня, но закончить не успела.

Мир перевернулся. Вернее, перевернулась она сама. Нога, потерявшая опору на скользкой корке, поехала вперёд, а тело, повинаясь законам физики, устремилось назад. Аня попыталась ухватиться за воздух, но воздух, как назло, был пустым и неудобным для хватания.

Удар. Её затылок встретился с чем-то твёрдым. Не с землёй. С чем-то каменным и угловатым. Садовый гном. Тот самый, которого Петрович притащил с помойки и поставил у подъезда «для красоты». Бетонный уродец с красным колпаком и идиотской улыбкой, которая теперь, в последние секунды Аниной жизни, показалась ей злобной и насмешливой.

Боль была короткой и резкой, как удар током. А потом наступила темнота.

Но это была не та темнота, какой её описывают в книгах. Не мягкое, убаюкивающее забытие. Это была абсолютная, глухая чернота, в которой не было ни звука, ни времени, ни пространства. Только пустота. И в этой пустоте, словно заевшая пластинка, крутилась одна-единственная мысль.

«Кастрюля. На плите. С гречкой. Я не выключила плиту».

Эта мысль была настолько нелепой, настолько неуместной в момент (предположительно) смерти, что Аня, даже погружаясь в небытие, почувствовала укол раздражения на саму себя. О чём думает героиня, погибая? О возвышенном. О любви. О несправедливости судьбы. О чём думает Аня Смородина? О гречке, которая пригорит к кастрюле, и что теперь эту кастрюлю придётся отмачивать трое суток.

Внезапно темнота сменилась ослепительно-белым светом. Он был резким, холодным, стерильным, как свет в операционной или как экран монитора, который только что загрузился и предлагает ввести пароль.

Аня почувствовала, что она больше не лежит на мокрой земле. Она... стояла? Или висела? Или парила? Чувство пространства исчезло. Не было ни верха, ни низа, ни стен, ни пола. Только эта всепоглощающая белизна.

И звук. Монотонный, механический голос, который раздавался, казалось, отовсюду и ниоткуда одновременно. Он был лишён интонаций, лишён жизни. Так говорил бы робот, если бы роботов учили говорить бухгалтеры, а не поэты.

— Пациент номер триста семьдесят два восемьсот девяносто один, — произнёс голос, и каждое слово падало, как капля ледяной воды на темя. — Статус: смерть зафиксирована. Тип смерти: нелепая, но с социально-значимым мотивом. Причина: мандариновая корка. Вторичные факторы: садовый гном неустановленного происхождения. Вердикт: душа подлежит перемещению в карантинную зону. Район D-37. Санаторий «Вечный Покой». Цель перемещения: уточнение кармического баланса и устранение ошибок в персональном сценарии судьбы.

«Что за бред? — подумала Аня. — Какая корка? Какой гном? Какой баланс?»

— Ошибка в коде судьбы, — продолжал голос, словно отвечая на её невысказанный вопрос. — Файл судьбы «Смородина Анна Игоревна» повреждён. Уровень приоритета: низкий. Ожидайте дальнейших инструкций.

Аня попыталась открыть рот, чтобы возразить, потребовать разъяснений, позвать менеджера этого балагана, в конце концов, но не смогла издать ни звука. У неё не было рта. У неё вообще, кажется, не было тела. Только сознание, запёртое в белой пустоте.

А потом раздался звук. Хрустящий, металлический, ни с чем не сравнимый звук штампа, который с силой вбивают в бумагу. Звук окончательного, бесповоротного, бюрократического решения, которое не подлежит обжалованию.

Белизна вокруг Ани начала сворачиваться в воронку, засасывая её сознание, словно пылесос — одинокую пылинку. И последнее, что она услышала, прежде чем реальность окончательно растворилась, был всё тот же механический голос, который произнёс фразу, показавшуюся Ане верхом канцелярского цинизма:

— Питание трёхразовое. Следующий.

Глава 1: «Очередь на переучёт»

Сознание возвращалось к Анне Игоревне Смородиной рывками, словно кто-то настраивал старый телевизор, дёргая антенну в разные стороны. Сначала появился звук — далёкий, монотонный гул, похожий на шум прибора, если бы прибор состоял из человеческих голосов, вздохов и скрипа. Потом пришло ощущение холода. Не того холода, от которого спасает тёплый плед и кружка горячего чая, а ледяного, пронизывающего, пробирающего до самых костей холода, который, казалось, исходил не от воздуха, а от чего-то глубоко внутри. А потом она открыла глаза.

Первое, что увидела Аня, был линолеум. Это был не тот линолеум, который лежит в коридорах районных поликлиник, вытертый тысячами ног до состояния зеркала. И не тот, что стелют в съёмных квартирах эконом-класса, где рисунок имитирует паркет, но с таким же успехом мог бы имитировать поверхность Марса. Нет, этот линолеум был... неправильным. Он был холодным на вид, с разводами, которые шевелились. Аня моргнула раз, потом другой, и поняла, что разводы действительно двигаются — медленно, лениво, словно звёздная пыль в каком-то бесконечно скучающем космосе. Разводы действительно напоминали карту звёздного неба, если бы карту звёздного неба рисовал пьяный картограф, а потом оставил её подтекать в сыром подвале. Больше всего эти узоры походили на плесень — разумную, очень старую и недовольную жизнью плесень.

Осознание собственного положения пришло не сразу. Сначала она поняла, что стоит. Потом — что стоит в очереди. А потом — что стоит в очереди босиком на одной ноге.

Аня опустила глаза.

Правая нога была обута в её любимый домашний тапок — тот самый, в виде зайца, с пушистыми ушами и вышитой розовой мордочкой, которая всегда смотрела на мир с непрошибаемым оптимизмом. Сейчас эта мордочка казалась издевательством. Левая нога была босой. Пальцы, украшенные остатками старого лака (цвет «кофейный мусс», нанесённого месяц назад и уже начавшего скалываться), поджимались от холода, который сочился из этого странного, живого линолеума. Безымянный палец украшало серебряное колечко с крошечной жемчужиной — подарок от мамы на окончание университета, одно из немногих украшений, которые Аня носила, не снимая.

— Так, — произнесла она вслух, и её собственный голос показался ей чужим — глуховатым, словно доносящимся из-под воды. — Тапок — есть. Нога — есть. Пол — есть. Пол холодный. Пол очень холодный.

Она пошевелила пальцами. Линолеум отозвался лёгкой, едва уловимой вибрацией, словно проверял, что за нахалка топчется по его звёздной плесени.

Дальше последовала инвентаризация остального гардероба. Тренировочные штаны с начёсом, которые она купила три года назад на распродаже в «Спортмастере» и носила исключительно дома, потому что в них было удобно страдать. Растянутая футболка с Микки Маусом, на которой теперь, помимо стандартной мышьи улыбки, красовалось пятно от кофе, посаженное как раз в то утро, которое стало для неё последним. Старая кофта на молнии, которую она накинула второпях и которая теперь висела на ней мешком.

«Я выгляжу как пугало, — с убийственной ясностью осознала Аня. — Как пугало, которое пропустило последний автобус с огорода и теперь застряло неизвестно где. И у меня только один тапок».

Она огляделась по сторонам. Очередь, в которой она стояла, была... великой. Это слово не было преувеличением. Это было единственное подходящее слово. Великая Небесная Канцелярия, как она узнает позже, в этот момент была просто Бесконечной Очередью, уходящей в обе стороны за пределы видимости. Это была очередь всех времён и народов, всех миров и

измерений — единый, непрерывный, монументальный людской (и не совсем людской) поток, текущий через белую пустоту.

Перед Аней возвышался рыцарь. Настоящий, в помятых, но всё ещё впечатляющих доспехах, покрытых вмятинами, царапинами и одним подозрительным пятном, которое Аня, как опытный специалист по бытовым загрязнениям, определила как «винное, красное, судя по оттенку — каберне». На голове у рыцаря был шлем с плюмажем из перьев, которые когда-то, наверное, гордо развевались на ветру, а теперь поникли и напоминали мокрые водоросли. Плюмаж трагически свисал набок. Доспехи при каждом движении издавали скорбный скрип, словно несмазанная дверь в заброшенном соборе.

За Аней, судя по звукам и лёгкому запаху пачулей, кто-то стоял. Кто-то, кто нервно перебирал струны на гитаре и время от времени издавал вздохи такой глубины и неподдельной скорби, какие обычно можно услышать только в финале трагической оперетты или в очереди к стоматологу.

— Простите, — неуверенно произнесла Аня, и её голос всё ещё звучал глухо. — Вы не подскажете, где мы находимся? И почему у меня только один тапок?

Рыцарь медленно, с тем особым скрежетом, который издают только проржавевшие за века сочленения лат, обернулся. Из-под поднятого забрала на Аню глянули два голубых, как васильки во ржи, глаза, полные такой бездонной, вселенской печали, что любая оперная дива умерла бы от зависти.

— Леди, — произнёс он голосом, который был специально создан для того, чтобы оглашать поля сражений и произносить слова прощания над телами павших героев. — Мы находимся в преддверии. В чистилище бюрократии. Мы — души, застрявшие между жерновами небесной мельницы. — Он сделал театральную паузу, и доспехи скрипнули особенно жалостливо. — Мы — нестандартные случаи.

«Нестандартные случаи, — эхом отозвалось в голове у Ани. — Ну да, один тапок, футболка с Микки Маусом — куда уж стандартнее».

— Сэр Аластер, — представился рыцарь и попытался изобразить галантный поклон, но доспехи предательски заскрипели, и он ограничился лёгким, скованным кивком. — Пал в битве при Серых Холмах. Споткнулся о собственный плащ во время решающей кавалерийской атаки. Лошадь затоптала. Своя же. Кобыла Игрэн. — В его голосе прозвучала такая горечь, что Аня почти ему посочувствовала. — Позор.

Аня открыла рот, чтобы выразить соболезнования, но сзади раздался ещё один вздох — громкий, надрывный, словно кто-то выпускал воздух из гигантской подушки.

— Это ужасно, — произнёс голос за спиной. — Просто ужасно. Я даже не знаю, что хуже — быть затоптанным лошадью или подавиться органическим смузи ручной работы с семенами чиа, которые, как утверждала этикетка, должны были раскрыть мою сердечную чакру, а вместо этого раскрыли врата в иной мир.

Аня обернулась. За ней стоял молодой человек лет двадцати пяти, в узких джинсах, клетчатой рубашке, с аккуратно подстриженной бородкой и гитарой в чехле за спиной. Выглядел он так, словно только что вышел из кофейни третьей волны, где бариста мечтательно рассказывал о философии помола. В руках он держал многоразовый стаканчик из бамбука, который сейчас был полон чем-то, подозрительно напоминающим болотную жижу.

— Дэн, — представился он, протягивая Ане руку для приветствия, но тут же отдернул её, словно забыл, что в загробном мире рукопожатия не в чести. — Хипстер, веган, начинающий музыкант и, как выяснилось, подавившийся собственным убеждением, что льняное семя — это не еда, а образ жизни. У меня как раз был концерт через два дня. Презентация моего нового альбома «Звуки прорастающей гречи». Теперь, боюсь, его презентуют без меня. Ирония судьбы.

«Ирония судьбы, — мысленно повторила Аня. — Ирония судьбы — это когда ты, менеджер по продажам окон ПВХ из Подольска, стоишь между рыцарем, которого затоптала собственная кобыла, и хипстером, который подавился смузи, и всё это — в очереди, которая ведёт неизвестно куда. Вот это ирония судьбы. Чистой воды».

— Анна, — коротко ответила она, не видя смысла в долгих представлениях. — Смородина. Менеджер по продажам. Упала с дерева, спасая кота. Поскользнулась на мандариновой корке.

Сэр Аластер поднял забрало полностью. Его благородное лицо, покрытое шрамами и следами былых битв, выражало сложную смесь сочувствия и лёгкого недоумения.

— Мандариновая корка? — переспросил он, словно пробуя это сочетание звуков на вкус. — Это какое-то магическое оружие? Ядовитый фрукт из восточных земель?

— Нет, — вздохнула Аня. — Это просто мусор, который кто-то бросил мимо урны. Обычный мандарин. Цитрус такой. Оранжевый.

Рыцарь ненадолго задумался, и его доспехи скорбно скрипнули. Было видно, что его представления о достойной смерти не включали в себя цитрусовые.

— Моя смерть была хотя бы на поле брани, — произнёс он наконец с ноткой плохо скрытого превосходства. — Среди лязга стали, ржания коней и криков умирающих.

— А моя, — меланхолично встрял Дэн, — была экологически чистой. Я хотя бы не навредил планете. Даже умирая, я думал о сохранении ресурсов.

Аня закрыла глаза и медленно досчитала до десяти. Этот метод она вычитала в каком-то глянцево-м журнале, который пролистывала в очереди к кассе супермаркета. «Если вы чувствуете, что закипаете, — гласил журнал, — просто досчитайте до десяти. Уровень стресса снизится на сорок процентов. Вам станет легче». Журнал врал. Ей не стало легче. Ей захотелось найти автора этой статьи и спросить, досчитывал ли он до десяти, когда его собственная жизнь катилась в тартарары.

«Итак, — подвела она безжалостный итог, глядя в бесконечную даль белой пустоты, подсвеченную мертвенным, ровным светом, который, казалось, не имел источника. — Я мертва. Это я уже поняла. Сердце не бьётся — проверила. Дыхания нет — проверила. Пульса нет — проверила. Я — душа. Бесплотная душа в трениках и с одним тапком. Отлично».

Но самое странное было не это. Самое странное, что Аня чувствовала ногами холод. Не призрачный холод, не иллюзию, не воспоминание о холоде. Самый настоящий, пробирающий, неприятный холод, от которого хотелось поджать пальцы и найти тёплые носки. Как? Почему? Разве души чувствуют холод? Разве у душ мёрзнут ноги? Вопросы, вопросы, и ни одного ответа. Только бесконечная очередь, уходящая за горизонт, и гул сотен голосов.

Прислушавшись, Аня начала различать обрывки разговоров. Где-то далеко впереди спорили о том, чья смерть нелепее, и судя по интонациям, это соревнование было здесь главным развлечением. Кто-то плакал. Кто-то монотонно повторял одно и то же имя, словно заклинание. Где-то справа, кажется, происходила драка — два бесплотных духа пытались выяснить, кто последний занимал, и это выяснение сопровождалось звуками, похожими на удары подушками. А где-то сверху, словно из невидимых динамиков, раздавался механический голос, который объявлял номера талонов. «Душа номер семь миллионов триста сорок две тысячи один. Пройдите к окну номер пятьсот шестьдесят три. Душа номер семь миллионов триста сорок две тысячи два. Ожидайте».

— И долго нам ещё стоять? — спросила Аня, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Вечность, — ответил сэр Аластер, и в его голосе прозвучала обречённость человека, который уже смирился со своей участью. — Очередь на Распределение движется со скоростью хромой улитки, которую вдобавок отвлекли на просмотр интересного фильма.

— Я тут уже... — Дэн задумался и начал загибать пальцы, — ...даже не знаю. Время здесь течёт иначе. Может, час. Может, день. Может, год. Я уже выучил наизусть все двадцать четыре вариации аккорда ре-минор и могу их воспроизвести мысленно. Хотите послушать?

— Нет, — хором ответили Аня и сэр Аластер.

— Зря, — обиделся Дэн. — Это очень медитативно.

Аня попыталась оценить масштаб бедствия. Очередь была не просто длинной — она была структурированной. Впереди, насколько хватало глаз, тянулись ряды душ всех форм, размеров и степеней прозрачности. Были здесь и классические призраки в белых саванах (один такой, нервный и дёрганный, постоянно извинялся и норовил пролететь сквозь соседей), и вполне материальные личности в костюмах разных эпох, и существа, которых Аня не смогла бы описать даже под дулом пистолета. Одна душа представляла собой гигантский светящийся шар, внутри которого плавали разноцветные рыбки. Другая была похожа на ходячее дерево с лицом, полным вековой мудрости и лёгкого гастрита. Третья вообще состояла, кажется, из одних только геометрических фигур, которые постоянно перестраивались.

— А вы не знаете, — Аня понизила голос до шёпота, обращаясь к сэру Аластеру, — что это вообще за место? Ну, официально? Есть у него какая-то вывеска? Брошюра для новоприбывших? Прейскурант?

Сэр Аластер нахмурился. Его брови, густые и седые, сошлись над переносицей, как два боевых облака.

— Это, леди Анна, Великая Небесная Канцелярия, как я уже имел честь сообщить, — произнёс он тоном лектора, читающего курс молодым оруженосцам. — Здесь происходит Распределение. Каждая душа получает свой вердикт и направляется по назначению. В Рай, в Ад, на перерождение, в Чертоги Ожидания — в зависимости от кармического баланса и выслуги лет. Но мы... — Он обвёл жестом себя, Аню и Дэна. — Мы — сбой. Нас подали не в ту инстанцию.

— Что значит «не в ту инстанцию»? — насторожилась Аня. Её менеджерское чутьё, отточенное годами работы с бракованными оконными рамами и недовольными клиентами, начало подавать сигналы тревоги. Сбой в системе, ошибка в накладной, не тот артикул — всё это было ей до боли знакомо.

— Это значит, — встрял Дэн, который явно не мог долго молчать, — что мы умерли как-то неправильно. Или не в то время. Или не в том месте. Или наша смерть не укладывается в стандартные протоколы. Мы — бракованные души.

— Бракованные души? — Аня почувствовала, как внутри неё закипает знакомая смесь раздражения и профессионального возмущения. — То есть я, значит, спасаю кота, рискую жизнью, падаю, умираю — и после этого я ещё и бракованная? А ничего, что героический поступок? А ничего, что социально-значимый мотив? Где контроль качества? Где отдел по работе с рекламациями?

Сэр Аластер посмотрел на неё с уважением. Похоже, с такой постановкой вопроса он ещё не сталкивался.

— Леди Анна, вы рассуждаете как опытный воин, — заметил он. — Но боюсь, здесь ваше оружие — бумага и перо, а не меч и щит.

— Вот именно, — подхватила Аня. — Если это бюрократическая ошибка, значит, её можно исправить. Где тут подаются апелляции? Где начальник этого балагана?

Она огляделась, выискивая хоть какой-то ориентир, хоть какую-то табличку или указатель. Ничего. Только белый свет, живой линолеум под ногами и бесконечная вереница душ.

Прошёл ещё час. Или два. Или день — время здесь действительно текло совершенно непредсказуемо. Иногда Ане казалось, что она стоит неподвижно уже целую вечность, а иногда — что прошло всего несколько секунд. Её ноги (точнее, одна нога в тапке и одна босая) начали откровенно ныть. Босая ступня замёрзла до такой степени, что Аня начала всерьёз опасаться астрального обморожения. Она попыталась присесть.

Это была ошибка.

Как только она попыталась опуститься на корточки, линолеум под ней пошёл рябью. Не просто завибрировал, а именно пошёл — словно поверхность воды, в которую бросили камень. И начал засасывать.

Аня почувствовала, как её босая пятка уходит в холодную, податливую, но в то же время упругую субстанцию, словно в зыбучий песок, только хуже, потому что этот песок был ещё и ледяным. Она вскрикнула — не столько от боли, сколько от неожиданности — и резко подскочила, хватаясь за руку сэра Аластера.

— Не советую садиться, — флегматично заметил рыцарь, даже не обернувшись. — Пол ещё не определился, кто мы такие — постоянные клиенты или просто посетители. Он, видите ли, немного... живой. И предпочитает, чтобы стояли.

— Предупреждать надо! — выдохнула Аня, с ужасом глядя на свою ногу. На пятке остался странный, слабо светящийся след, похожий на иней, который медленно таял, оставляя после себя ощущение лёгкого покалывания.

— Прошу прощения, леди Анна, — повинулся сэр Аластер, и в его голосе действительно прозвучало раскаяние. — Я полагал, что это очевидно. Здесь нигде нельзя садиться. Даже думать о том, чтобы сесть, не рекомендуется. Пол считывает намерения.

«Прекрасно, — подумала Аня, переминаясь с ноги на ногу и мечтая о том, чтобы где-нибудь в этом посмертном лабиринте нашлась лавочка или хотя бы пенёк. — Мало того, что я умерла, так мне ещё и присесть нельзя. Это какое-то специально разработанное наказание для менеджеров по продажам. Пятый круг ада. Только стоя».

Очередь тем временем продвинулась на целых полметра. Это был прогресс. На соседней линии, где стояли души, умершие стандартной, правильной смертью (болезни, старость, героическая гибель в бою с явным, документально подтверждённым противником), очередь двигалась гораздо быстрее. Там даже, кажется, были стулья.

— Слушайте, — Аня решила копнуть глубже. — А как вообще определяется, кто сюда попадает? Ну, в эту «нестандартную» очередь?

— О, это сложный бюрократический механизм, — оживился Дэн, который, судя по всему, тоже пытался разобраться в этом вопросе и уже накопил некоторую базу знаний. — Понимаете, у каждого человека, у каждой души есть Сценарий. Это такой документ, который описывает все ключевые события жизни, включая обстоятельства смерти. Но иногда в Сценарий закрадывается ошибка.

— Какая ошибка? — Аня наострила уши. Тема документов и ошибок в документах была её родной стихией.

— Разная, — философски пожал плечами Дэн. — Сэр Аластер, например, должен был пасть, пронзённый копьём вражеского полководца, в момент, когда его лошадь встала на дыбы на фоне заката. Очень кинематографичная смерть. Прямо кадр из эпического фильма. Но в последний момент в его Сценарий вкралась... опечатка.

— Опечатка? — Аня не верила своим ушам.

— Да! — с жаром подтвердил сэр Аластер. — Вместо «конь» было написано «плащ»! Мой собственный плащ! Кто-то в Небесной Канцелярии перепутал букву в Книге Судеб, и в результате мой славный боевой конь Игрэн превратился в предательский кусок ткани, который подставил мне подножку в самый ответственный момент! Позор! Вселенский, космический позор!

— А у меня, — подхватил Дэн, — в Сценарии было написано, что я должен был подавиться «мудрым словом». Но кто-то неправильно расшифровал мою карму, и «мудрое слово» превратилось в «мудрое зерно». Льяное. Я поперхнулся на собственной лекции о пользе осознанного питания. Ирония.

Аня слушала этот бред и чувствовала, как её разум, привыкший к чётким логическим схемам и цифрам квартальных отчётов, начинает медленно, но верно закипать.

— А со мной что? — спросила она. — Какая ошибка в моём Сценарии?

Сэр Аластер и Дэн переглянулись и одновременно пожали плечами — один со скрежетом доспехов, другой с мелодичным треньканьем гитарной струны, задетой локтем.

— Это вам скажут там, — рыцарь указал закованной в латную перчатку рукой куда-то вперёд, в бесконечную даль. — У Окна. Когда дойдёте. Если дойдёте.

«Если дойдёте», — мысленно повторила Аня и вдруг совершенно отчётливо, до дрожи в замёрзших коленках, поняла, что если она будет стоять и ждать, как все эти бедолаги вокруг, то она простоит здесь вечность. Буквально. А вечность — это слишком долго, особенно для женщины, у которой на плите осталась невыключенная кастрюля с гречкой. (Мысль о гречке всё ещё преследовала её, как назойливый призрак несделанного дела, застрявший где-то на задворках сознания).

— Ладно, — решительно произнесла Аня и расправила плечи. — Я так не играю. Я менеджер. Я умею решать проблемы.

Она начала проталкиваться вперёд, игнорируя возмущённые возгласы и вздохи. Это было непросто. Некоторые души были вполне материальны и не желали уступать дорогу. Другие, наоборот, были слишком эфемерны, и Аня рисковала пройти сквозь них, что, судя по всему, считалось здесь дурным тоном и нарушением загробного этикета. Она протискивалась, бормоча «извините», «простите», «мне срочно», «я по важному делу», и чувствовала себя так, словно пытается пробиться к стойке регистрации в аэропорту в разгар сезона отпусков, когда задерживают все рейсы и отменяют багаж.

— Куда вы, смертная?! — возмутился призрак в белом саване, которого она едва не протаранила плечом. — Очередь! Порядок! Небесный регламент, параграф сорок два!

— У меня нет времени на регламент! — отрезала Аня. — У меня гречка горит!

Аргумент был, прямо скажем, сомнительный для загробного мира, но прозвучал так уверенно и так по-земному, что призрак ошеломлённо замолчал, а другие души на секунду оторопели, и Аня, воспользовавшись их замешательством, сделала ещё несколько рывков вперёд.

Впереди, наконец, показалось Окно. Это было монументальное сооружение — высокая стойка, выполненная, казалось, из цельного куска полированного обсидиана, которая светилась изнутри мягким, но тревожным синим светом. Над Окном висела табличка с надписью, выполненной официальным, строгим шрифтом: «Отдел нестандартных ситуаций. Окно № 117-Б. Приём душ с ошибками в Сценарии и нелепыми обстоятельствами смерти».

За стойкой, спиной к очереди, стояла... нет, не женщина. Не совсем женщина. И не совсем человек.

Это была Гортензия — суккуб, но суккуб в корне неправильный, сломанный, перевоспитанный бюрократией. У неё были большие, кожистые, перепончатые чёрные крылья, которые в данный момент были небрежно и практично заколоты на затылке в тугий пучок, перехваченный обычной канцелярской резинкой. Из-под этого пучка выбивались пряди иссиня-чёрных волос, в которых поблёскивали, как звёзды в ночном небе, крошечные, застрявшие там серебристые скрепки. На ней был строгий офисный костюм — тёмно-синяя юбка-карандаш, белая блузка с рюшами, которые почему-то выглядели угрожающе, и лаковые туфли на невероятно высокой шпильке. И, что самое поразительное, её голова, увенчанная маленькими, аккуратными рожками, была покрыта бигуди. Самыми обычными, розовыми, поролоновыми бигуди, в которых ходят героини старых советских комедий. Это было настолько нелепо, настолько не вязалось с образом демонической соблазнительницы, что Аня на секунду забыла о всех своих проблемах.

На груди у этого существа красовался бейдж, на котором было написано от руки, но очень аккуратным, почти каллиграфическим почерком: «Гортензия. Отдел нестандартных ситуаций. Старший клерк. Часы приёма: когда как».

Гортензия в данный момент не принимала души. Она стояла спиной к окошку и красила губы. Она делала это сосредоточенно, с полной отдачей, используя осколок какого-то магического зеркала, который парил перед ней в воздухе. Помада была вызывающе-алого цвета, с лёгким металлическим отливом.

Аня, тяжело дыша и всё ещё ощущая на себе возмущённые взгляды вытесненных ею душ, подошла к окошку и вежливо, но настойчиво постучала по обсидиановой стойке.

— Простите, — начала она, но Гортензия даже не обернулась.

— Обед, — бросила она, не отрываясь от своего занятия. Её голос был низким, с лёгкой хрипотцой, и звучал так, словно она только что выкурила пачку сигарет и запила её порцией разочарования в жизни. — Приём закрыт. Обеденный перерыв с одиннадцати до одиннадцати тридцати по вселенскому стандартному времени.

Аня бросила взгляд на часы, висевшие над стойкой. Это были странные часы — циферблат у них был не круглый, а спиральный, и вместо цифр на нём были символы, которых Аня не понимала. Но стрелка показывала куда-то в район, который интуитивно воспринимался как «рано, но уже поздно».

— Но сейчас не одиннадцать, — неуверенно возразила Аня.

— Здесь всегда одиннадцать, — философски парировала Гортензия и, наконец, закончив с помадой, повернулась. — Обед — это состояние души. Обед — это не просто приём пищи. Это перерыв на осознание тщетности бытия. А вы, собственно, кто? И почему без талона?

— Какого талона? — растерялась Аня.

— Талончика. С номером. Для соблюдения очерёдности и порядка.

Гортензия с тяжёлым, вселенским вздохом, который, казалось, мог бы заставить увянуть самые стойкие цветы, щёлкнула пальцами. В воздухе перед Аней материализовался клочок бумаги — самый обычный, мятый, словно его только что вырвали из блокнота. На нём ядовито-зелёным светом пульсировал номер: 372891.

— Это ваш, — сказала Гортензия. — Теперь вставайте в очередь и ждите. Когда вызовут — подойдёте. Всё, как у людей. Тьфу. Как у душ.

И она уже собралась отвернуться обратно к своему магическому зеркалу, но Аня не была бы Аней, если бы сдалась после первой же попытки. Она была менеджером по продажам. Её работа заключалась в том, чтобы продавать людям то, что им не нужно, и убеждать их, что они без этого жить не могут. Переговоры с неуступчивым клиентом были её стихией.

— Подождите, — сказала она и положила руку на стойку (та оказалась холодной и слегка вибрировала). — У меня к вам деловое предложение.

Гортензия приподняла одну бровь — идеально выщипанную и подведённую чёрным карандашом.

— Деловое предложение? — переспросила она тоном, в котором смешались скепсис и лёгкое, едва уловимое любопытство. — От души с одним тапком? Это что-то новенькое. Обычно они или рыдают, или угрожают. Или угрожают, что будут рыдать. Ну, давайте, излагайте, пока я не заскучала.

Аня собралась с мыслями. Она вспомнила всё, чему её учили на тренингах по продажам. «Выясни потребность клиента». «Предложи решение». «Создай ценность». «Закрой сделку».

— Скажите, Гортензия, — начала она, стараясь, чтобы её голос звучал уверенно и располагающе. — Вам нравится ваша работа?

Суккуб скривилась так, словно ей в лицо плеснули святой водой.

— Нравится? — прошипела она. — Вы хоть понимаете, с чем мне приходится иметь дело каждый день? Тысячи душ! Тысячи слёзливых, воющих, ноющих, жалующихся, прокли-

нающих, молящих! Они рыдают мне в окошко с утра до вечера, с перерывом на обед, которого у меня почти нет! «Почему я умер?», «Я не хочу в Ад!», «Верните меня обратно!», «А можно мне другой сценарий?», «А где мой любимый хомячок, он тоже умер?». Вчера один рыцарь бился головой о стойку и требовал, чтобы ему вернули лошадь! Откуда у меня лошадь?! У меня нет лошади! У меня даже кота нет, потому что у меня аллергия на шерсть и на всё живое! А сегодня утром одна душа обвинила меня в том, что я неправильно заполнила её кармическую декларацию за 1342 год! 1342-й! Вы можете себе представить? Я даже не знаю, где я была в 1342 году!

Гортензия выдохлась и замолчала. Её крылья, заколотые в пучок, мелко подрагивали от переполнявших её эмоций.

Аня поняла: вот он, момент истины. Клиент созрел. Клиент выговорился. Клиент подсознательно ждёт решения.

— Я вас отлично понимаю, — произнесла она проникновенным тоном, которым обычно говорила с клиентами, сомневающимися в выборе между пятикамерным и трёхкамерным профилем. — Работа с людьми — это адский труд. В прямом и переносном смысле. Но что, если я скажу вам, что могу предложить вам кое-что, что вы не получаете от ваших обычных клиентов?

— И что же? — Гортензия прищурилась, и в её глазах мелькнул опасный, демонический огонёк, но на этот раз он был не злым, а скорее профессионально-заинтересованным.

— Эмоцию, — сказала Аня. — Чистую, настоящую, свежую эмоцию. Не слёзы. Не жалобы. Не вой. А кое-что другое. Кое-что более... редкое.

Она сделала паузу, вспоминая свой опыт. Что она чувствовала прямо сейчас, в эту минуту, стоя перед этим суккубом в бигуди? Она чувствовала раздражение. Глубокое, искреннее, переполняющее раздражение на всю эту дурацкую ситуацию, на мандариновую корку, на садового гнома, на холодный линолеум, на отсутствие второго тапка. Но не только это. Ещё она чувствовала раздражение на своего бывшего начальника, Сергея Валерьевича, который вечно занижал ей премию и требовал невозможного. Да, точно.

Она сконцентрировалась на этом чувстве. Вспомнила лицо начальника, его лысину, его потные ладони, его галстук с пятном от супа, его манеру говорить. И раздражение всколыхнулось в ней с новой силой.

И тут произошло нечто невероятное. Прямо в её ладони, словно из ниоткуда, начал формироваться сгусток света. Он был размером с небольшое яблоко, пульсировал и переливался яркими, ядовито-зелёными и фиолетовыми оттенками. Он был тёплым на ощупь и слегка покалывал пальцы, как статическое электричество.

Гортензия уставилась на этот сгусток так, словно увидела нечто невероятное. Её крылья, заколотые в пучок, дёрнулись, вырвав пару шпилек и скрепок.

— Что это? — выдохнула она. — Это же...

— Чистое, концентрированное раздражение на начальника, — гордо объявила Аня. — Свежее. Без примесей. Никаких слёз. Никаких жалоб на судьбу. Только профессиональный гнев менеджера, которому в четвёртый раз за неделю урезали премию за невыполнение плана, который невозможно выполнить.

Гортензия протянула руку с идеальным алым маникюром и осторожно, почти благоговейно, коснулась сгустка. Он перетёк на её ладонь, запульсировал ярче и начал впитываться в кожу. Лицо суккуба на мгновение озарилось выражением чистого, незамутнённого удовольствия.

— Это... бесподобно, — прошептала она. — Как давно я не пробовала ничего подобного. Никаких соплей. Никакой депрессии. Только чистый, концентрированный гнев на некомпетентное руководство. Это как изысканное вино. С нотками безысходности и долгим послевкусием карьерного тупика. Откуда это у вас?

— Я — менеджер по продажам, — просто ответила Аня. — Или была им. До недавнего времени. У меня этого добра на десять жизней вперёд.

Гортензия смотрела на неё уже совсем по-другому. С интересом. С уважением. Даже с какой-то хищной симпатией.

— И что вы хотите за этот... деликатес? — спросила она, и её голос стал почти мурлыкающим. — Внеочередное обслуживание? Ускоренное рассмотрение дела? Дополнительный талон на питание?

— Просто посмотрите моё дело, — сказала Аня. — Скажите, в чём проблема, и по возможности — направьте меня туда, куда нужно. Но желательно быстро. У меня там, на Земле, кастрюля с гречкой невыключенная. Я серьёзно. Это меня беспокоит.

Гортензия усмехнулась — впервые за всё время, и усмешка эта была почти человеческой.

— Гречка... — протянула она. — Давненько у нас не было таких запросов. Обычно просят вернуть обратно из-за незаконченных дел государственной важности: спасти мир, дописать роман, отомстить врагу. А тут — гречка. Ладно. Будь по-вашему.

Она повернулась к невидимому интерфейсу, спрятанному где-то за стойкой. Её пальцы с алым маникюром забегали по воздуху, нажимая на невидимые кнопки и перелистывая невидимые страницы. В воздухе перед ней начали появляться и исчезать строки, светящиеся голубоватым светом.

— Смородина... Смородина... Анна Игоревна... — бормотала она. — Дата смерти... причина... ага, вот оно. Дело номер 372891. Интересно. Очень интересно.

Она нахмурилась.

— В чём дело? — спросила Аня, чувствуя, как холодок бежит по спине, хотя, казалось бы, куда уж холоднее.

— Ваш Сценарий, — произнесла Гортензия, и её голос потерял мурлыкающие нотки, став сухим и официальным. — Он повреждён. Файл судьбы «Смородина Анна Игоревна» имеет критическую ошибку. Не подлежит восстановлению в обычном порядке. Уровень приоритета ошибки: низкий.

— Что это значит?

— Это значит, что вас не должны были так быстро обрабатывать. С такими ошибками души обычно стоят в очереди веками, пока Свыше не придёт запрос и не назначат специальную комиссию по пересмотру. Но, учитывая ваш... э-э-э... уникальный эмоциональный потенциал... — она покосилась на руку, в которую только что впитался сгусток раздражения, — ... и чувство глубокого, непреходящего раздражения, которое вы мне предоставили, я могу пойти навстречу.

— Куда вы меня направите?

— В карантинный пансионат, — ответила Гортензия, и её лицо на мгновение стало непроницаемым. — «Вечный Покой». D-район 37. Это место для душ, чьи Сценарии требуют уточнения, доработки или полной замены. Там вы будете находиться до тех пор, пока не будет принято окончательное решение о вашей дальнейшей судьбе. Питание трёхразовое. Процедуры. Терапия. В общем, санаторий.

— Санаторий? — переспросила Аня. — Какой санаторий? Я здорова! Я умерла, но я здорова!

— Это формальность, — отмахнулась Гортензия. — Не переживайте. Место тихое, спокойное. Вам понравится. А теперь, если позволите...

Она подняла руку, и мир вокруг Ани начал сворачиваться.

Это было самое странное ощущение в её жизни. И в смерти. Пространство вокруг сжималось, скручивалось, закручивалось в гигантскую воронку, наполненную белым светом и разноцветными искрами. Очередь, сэр Аластер, Дэн, бесконечный линолеум — всё это отдаля-

лось, становилось плоским, двухмерным, а потом и вовсе исчезло, превратившись в размытое пятно где-то на периферии зрения.

— Передайте моей лошади, что я её любил! — донёсся до неё скорбный, полный трагизма возглас сэра Аластера.

— И мой альбом! Пусть выпустят посмертно! — подхватил Дэн. — И не забудьте про лайнер-ноты, они очень важны!

А потом всё стихло. Осталась только воронка. И темнота впереди.

И в этой темноте, прямо над ухом, раздался другой голос. Этот голос был не механическим. Он был живым, низким, обволакивающим. В нём слышались нотки превосходства, холода и какого-то странного, неестественного голода. Он не угрожал. Он констатировал факт. Так говорит оценщик, рассматривающий редкий антиквариат и уже прикидывающий его рыночную стоимость.

— Свежая партия... — произнёс голос, и каждое слово падало в сознание Ани, как камень в тёмную воду, оставляя после себя круги тревоги. — Отлично. Просто отлично. Уровень эмоционального потенциала — девяносто девятый перцентиль. Почти максимум. Грэг будет очень, очень доволен.

Воронка сомкнулась, и всё поглотила тьма.

Где-то далеко-далеко, уже за пределами слышимости, раздался звук штампа, с хрустом вбиваемого в бумагу. Звук окончательного, бесповоротного решения. Звук закрытого дела.

Анна Игоревна Смородина, бывший менеджер по продажам окон ПВХ, перестала существовать в качестве свободной души.

Для неё начинался новый этап.

Санаторий «Вечный Покой». Палата № 13 (разумеется). Койко-место с видом на Апокалипсис и без возможности вернуть путёвку.

Глава 2: «Добро пожаловать, или Вам у нас понравится»

Реальность вернулась к Ане самым бесцеремонным образом — её буквально выплюнуло из пространственного перехода, как косточку из перезрелой вишни. Секунду назад она была сгустком сознания, летящим сквозь бесконечную воронку, а теперь — снова обрела тело, тяжесть, способность чувствовать. И первое, что она почувствовала, был холод. Каменный, древний, пробирающий до самых костей холод, идущий не от сквозняка, а от самого пола, на котором она лежала.

Аня открыла глаза и обнаружила, что её левая щека прижимается к мозаичному полу. Пол был выложен из тёмного и светлого камня, который складывался в причудливую картину — какую-то сложную, многофигурную композицию, напоминающую батальные полотна старых мастеров, но с одним странным отличием: все фигуры на этой мозаике застыли в позах крайнего, предельного отчаяния. Не героического пафоса, а самого обычного, бытового, заземлённого ужаса.

Аня приподнялась на локтях и пригляделась. Ближайший к ней фрагмент мозаики изображал человека, бегущего за уходящим поездом. Поезд уже почти скрылся за краем плитки, а человек застыл с выпученными глазами и чемоданом, из которого вываливались вещи. Лицо его выражало такую чистую, незамутнённую панику, что у Ани свело живот от сочувствия. Она сама не раз опаздывала на электричку и знала это чувство слишком хорошо. Чуть дальше был изображён офисный клерк, сгорбившийся над бесконечной кипой бумаг, и выражение его лица не оставляло сомнений: он только что понял, что годовой отчёт, который он сдавал, содержит ошибку, и теперь ему придётся переделывать всё с самого начала. На следующей плитке бедолага блуждал по незнакомому городу с выражением мучительной потребности на лице, ищущий туалет — и, судя по его позе, безуспешно.

«Прекрасно, — подумала Аня, всё ещё стоя на четвереньках. — Пол в этом месте выложен сценами из моих ночных кошмаров. Очень обнадеживает. Наверное, где-то здесь есть и сцена "забыла выключить утюг", и "пришла на совещание в разных туфлях"».

Она кое-как поднялась, поправила съехавшую набок тапку-зайца на правой ноге и ощутила себя. Всё было на месте: треники с начёсом, растянутая футболка с Микки Маусом (пятно от кофе никуда не делось), старая кофта, босая левая ступня. Смерть ничего не изменила в её гардеробе. Гардероб, казалось, пережил её упрямство. И упрямо перешёл в загробную жизнь вместе с ней.

Аня выпрямилась во весь рост и, наконец, огляделась. И замерла.

Она стояла в фойе. Но это было не просто фойе. Это была архитектурная симфония безумия, написанная в тональности «вечность и сырость».

Огромный холл, размерами напоминающий вокзал, уходил вверх, в туманную высь, где не было потолка — только сгущающийся, клубящийся сумрак, подсвеченный нездоровым, зеленоватым свечением, которое, казалось, исходило отовсюду и ниоткуда одновременно. Этот свет был неприятным, липким, словно его выпускали сами стены, пропитанные вековой тоской. Вдоль стен, уходя в этот невозможный, бесконечный потолок, тянулись колонны из чёрного мрамора с белыми прожилками. Колонны были массивными, внушительными, но при ближайшем рассмотрении становилось ясно: они ничего не держали. Они просто стояли, как декорация в плохом театре, создавая иллюзию величия и монументальности.

С потолка свисала гигантская хрустальная люстра. Аня задрала голову, разглядывая её, и испытала новый прилив сюрреалистического ужаса. Вместо свечей или лампочек в этой люстре плавали светящиеся мутные сферы, размером с кулак каждая. Они медленно, лениво враща-

лись вокруг своей оси, и от их движения исходил низкий, тоскливый гул, от которого сводило зубы. Сферы были не просто источниками света — они, казалось, были живыми. И они страдали. Гул был их коллективным стоном.

Но пол... пол был отдельной песней. Аня уже успела оценить его художественное содержание, но теперь она заметила и другое: пол был тёплым. Не просто не холодным, а именно тёплым. Местами даже горячим. Как если бы под ним проходили трубы отопления, но работали они неравномерно, создавая причудливый температурный лабиринт. Одно из пятен на мозаике, изображавшее, кажется, человека, забывшего пароль от рабочей почты, было особенно горячим. Аня машинально наступила на него босой ногой и тут же отёрнула — не потому, что обожглась, а потому, что пятно... вздохнуло. Она готова была поклясться, что мозаика под её пяткой едва заметно шевельнулась и издала тихий, печальный звук, похожий на выдох.

«Антисанитария, — машинально отметила она про себя. — И психосоматические полы. Отлично. Просто блеск».

Её внутренний монолог, впрочем, был значительно менее спокойным, чем она пыталась себе внушить.

«Так, Смородина. Соберись. Ты уже умерла — это раз. Ты стояла в очереди к суккубу в бигуди — это два. Тебя засосало в межпространственную воронку — это три. Теперь ты в санатории для бракованных душ. Это четыре. Ситуация — хуже некуда. Но ты же менеджер. Ты умеешь решать проблемы. Давай, включай голову. Что делают менеджеры, когда приходят на новое место? Правильно. Осматриваются. Оценивают обстановку. Ищут ресепшен».

Она сделала глубокий вдох. Воздух в фойе пах старыми, слежавшимися книгами, сырой штукатуркой и чем-то ещё, что Аня не смогла сразу идентифицировать. Чем-то сладковатым и химическим, как запах лекарства, которое просрочилось лет сто назад. Пахло так, словно здесь вечность лечили от мигрени и не очень успешно.

В центре холла, прямо под люстрой с тоскливыми сферами, стояла громоздкая конторка из тёмного, почти чёрного дерева. Она напоминала стойку регистрации в старом отеле, где ещё хранят ключи на крючках и пишут в журналах чернилами. За конторкой, на которую Аня возлагала все свои надежды как на потенциальный источник информации и второй тапок, никто не стоял. Там стоял... скелет.

Да, скелет. Самый настоящий, без всяких там иллюзий и маскировки. На нём была униформа — тёмно-бордовая ливрея с золотыми пуговицами и галунами, какие носила прислуга в викторианских особняках, и крошечная фуражка, лихо заломленная набекрень черепа. Костяные пальцы сосредоточенно и, судя по всему, безуспешно пытались починить степлер, который лежал перед ним на конторке. Степлер был старым, железным, покрытым царапинами и с натугой выплёвывал скрепки. Каждая скрепка, которую скелет пытался вставить в нужный паз, с хрустом вылетала и попадала ему прямо в лоб. Или в череп. Раздавался дребезжащий звук — словно кто-то уронил игральную кость в пустую кастрюлю — и скелет издавал тихий, печальный, шелестящий вздох, больше похожий на скрип несмазанных суставов.

— Кхм, — деликатно кашлянула Аня, подходя ближе. — Простите...

Скелет поднял на неё взгляд. Вернее, пустые глазницы, в глубине которых, тем не менее, теплились две крошечные, тусклые оранжевые искорки, исполненные такой вековой, невыразимой усталости, что Ане тут же стало его жалко. Даже больше, чем себя.

— Добро пожаловать, — произнёс скелет замогильным, дребезжащим голосом, который, казалось, состоял из шёпота старых газет и скрипа половиц. — В санаторий «Вечный Покой». Ваша путёвка? Ваш талон? Ваше направление?

— У меня нет ничего, — честно ответила Аня. — Меня просто... э-э-э... выплюнуло сюда. Из воронки. Мне бы сориентироваться. И, если можно, стаканчик воды. Или хотя бы тапок. У меня только один тапок. Видите? — она для убедительности продемонстрировала босую ногу.

Скелет опустил взгляд, оглядел её левую ступню с остатками лака «кофейный мусс», потом правую — с заячьей мордочкой, и снова вздохнул. На этот раз вздох был настолько глубоким и трагическим, что его грудная клетка, обтянутая ливреей, жалобно скрипнула.

— Тапок, — повторил он, словно пробуя это слово на вкус. — Тапок. У меня есть степлер. Но он сломан. Всё ломается. Всё. Даже смерть. Особенно смерть. — Он снова щёлкнул степлером, и скрепка, кувыряясь, пролетела мимо его черепа и упала на мозаичный пол, изображавший, как теперь заметила Аня, женщину, безуспешно пытающуюся дозвониться в службу поддержки.

«Понятно, — подумала Аня. — Местный персонал страдает от профессионального выгорания. Даже после смерти. Особенно после смерти».

Она уже собиралась задать следующий, более насущный вопрос (а именно — где здесь выдают вторые тапки и можно ли это сделать в кредит), когда воздух вокруг неё начал меняться. Стало холоднее. Гораздо холоднее. Не физически — температура в холле и так была не курортной — а как-то иначе. Холод пришёл изнутри, словно кто-то открыл дверь в её собственной душе и впустил сквозняк.

Скелет-портё, стоящий за конторкой, внезапно выпрямился, насколько это вообще было возможно для существа, лишённого позвоночника в прямом смысле слова, и замер. Искры в его глазницах потускнели и сжались до размеров булавочной головки. Он явно испугался. И это испугало Аню ещё больше.

Из тени ближайшей колонны — той самой, что ничего не держала и уходила в туманную бесконечность — начало просачиваться нечто. Сначала Аня подумала, что ей мерещится. Что тень просто стала гуще, темнее, приобрела консистенцию жидкого дыма. Но потом тень начала собираться, уплотняться, обретать форму. Это был человек. Высокий, тощий, неестественно бледный человек без единого волоса на голове — лысый, как коленка, и такой же гладкий. Он был облачён в идеально белый, накрахмаленный медицинский халат, который не мялся при ходьбе, а словно перетекал вслед за движениями своего хозяина. Халат был застёгнут на все пуговицы, воротник туго облегал худую, жилистую шею, а из нагрудного кармана торчал ряд идеально заточенных карандашей.

Но самым страшным было его лицо. Оно было... никаким. Черты лица — тонкие, правильные, даже породистые — словно были стёрты наполовину, оставляя лишь намёк на индивидуальность. Глаза, спрятанные за стёклами очков в тонкой золотой оправе, были бледно-серыми, почти прозрачными, и смотрели на мир с выражением вежливого, отстранённого любопытства, которое испытывает учёный к подопытной мыши. Тонкие бледные губы были растянуты в лёгкой, ничего не выражающей улыбке — такой, какую рисуют на рекламных буклетах стоматологических клиник. Улыбка была идеальной, ровной, симметричной. И от неё у Ани заledenели пальцы на босой ноге.

— Анна Игоревна Смородина, — произнёс он, и его голос был точно таким же, как он сам: обволакивающим, плавным, тщательно модулированным, лишённым даже намёка на живые эмоции. Это был голос диктора, зачитывающего некролог. Или голос автоответчика, сообщающего о задержке рейса. Или голос врача, который говорит: «Ну что ж, анализы пришли, и у меня для вас две новости». — Добро пожаловать в санаторий «Вечный Покой». Мы очень рады, что вы выбрали нас. Меня зовут Грэг. Я — Главный Врач-Администратор этого учреждения. Ваш страх — наш приоритет.

Аня моргнула, переваривая услышанное.

— Мой... что?

— Ваш страх, — повторил Грэг с той же безупречной, безжизненной улыбкой. — Ваши переживания. Ваш эмоциональный вклад в наше общее дело. Мы ценим каждую крупинку ужаса, которую вы нам предоставите. Только вместе мы сможем превратить вашу панику в валовый продукт. А теперь, позвольте, я проведу для вас небольшую вводную экскурсию.

«Он говорит лозунгами, — потрясённо подумала Аня. — Он, чёрт возьми, разговаривает корпоративными лозунгами! Это как если бы сама Бюрократия решила обзавестись телом и устроилась на работу в санаторий».

Но вслух она, разумеется, этого не сказала. Вместо этого Аня, вспомнив все свои менеджерские навыки, сделала то, что делала всегда, когда клиент начинал нести чушь, а ей нужно было перехватить инициативу. Она улыбнулась. Пусть и натянуто.

— Очень приятно, Грэг, — сказала она, пытаясь, чтобы её голос звучал ровно. — А можно мне для начала вторые тапочки? Видите ли, я немного... не укомплектована. И, если честно, замёрзла. И ещё — Wi-Fi. У вас есть Wi-Fi? Потому что без интернета я тоже могу начать внушать страх, но, боюсь, это будет не тот страх, который вы ожидаете. Это будет страх человека, которому нечем заняться.

Грэг наклонил голову набок. Этот жест был механическим, словно у птицы или ящерицы, и от него у Ани по спине пробежали мурашки. Его бледные глаза за стёклами очков на мгновение вспыхнули — и Аня не могла понять, был ли это гнев, интерес или просто отражение тоскливых сфер на люстре.

— Вторые тапочки, — повторил он задумчиво, будто пробовал это словосочетание на вкус. — Wi-Fi. Интересно. Очень интересно. Обычно новоприбывшие спрашивают о другом. «Где я?», «Что со мной будет?», «Я умер навсегда или это временно?», «Можно ли вернуться обратно?». А вы — про тапочки и интернет. Вы уникальны, Анна Игоревна. Ваши эмоции обещают быть... исключительно высокого качества.

Он не ответил на вопрос. Ни про тапочки, ни про Wi-Fi. Просто проигнорировал, перевёл стрелки, сделал комплимент. Аня, как опытный менеджер, мгновенно считала этот приём. Это была тактика уклонения. Он не хотел говорить о том, что его не устраивало. А значит, с тапочками и интернетом в этом месте были серьёзные проблемы.

— Позвольте, я покажу вам наши удобства, — продолжал Грэг, делая плавный, перетекающий жест рукой. — Наша столовая. Наша комната отдыха. Наша библиотека. Уверен, вы найдёте здесь всё необходимое для комфортного и, главное, эмоционально насыщенного пребывания.

Он двинулся вперёд, и Ане ничего не оставалось, как последовать за ним. Шла она, стараясь наступать только на те фрагменты мозаики, которые не пытались вздохнуть под ногами, и чувствовала себя при этом как сапёр на минном поле. Грэг скользил впереди бесшумно — его шаги не издавали ни звука, хотя пол под его ногами не был покрыт ковром и, по идее, должен был отзываться эхом.

Они миновали колоннаду, прошли под аркой, на которой висел плакат в выцветшей деревянной рамке: «Тихий час — с 13:00 до 13:00 следующего тысячелетия».

— Это у вас опечатка? — не удержалась Аня, кивая на плакат. — «Тысячелетия»?

— Нет, — не оборачиваясь, ответил Грэг. — У нас не бывает опечаток. У нас бывают долгосрочные планы. Дисциплина — залог успешной терапии.

«Отлично, — мрачно констатировала Аня. — Тихий час на тысячу лет. Я как раз хотела выспаться. Хоть что-то в этом месте имеет смысл».

Столовая, куда они зашли, была огромным помещением с высокими потолками и рядами длинных, массивных столов из тёмного дерева. Стулья с высокими резными спинками стояли рядами, как солдаты на параде, и на каждом сиденье лежала полосатая подушка. Аня пригляделась к ближайшей подушке и увидела, что полосы на ней не были статичными — они медленно, ритмично пульсировали, словно дышали в такт чьему-то неслышному дыханию.

Но не это было самым жутким. Самым жутким был суп.

Посреди одного из столов, на подносе, стояли глубокие тарелки, в которых плескалась зеленоватая, мутная жидкость, над которой курился бледный пар. Пар вёл себя странно — он не рассеивался, как обычный пар, а собирался над каждой тарелкой в тонкие, дрожащие

струйки, которые сплетались в подобие человеческого лица. Лица были разными: одни скорбно поджимали губы, другие закатывали глаза, третьи беззвучно рыдали. Над одной из тарелок, которую Грэг указал Ане с особенным, почти гастрономическим удовольствием, пар сложился в лицо, которое Аня могла бы узнать из тысячи: это было лицо её бывшего начальника Сергея Валерьевича. Он беззвучно открывал и закрывал рот, словно пытаясь что-то сказать, но захлёбывался в зелёном тумане.

— Наше фирменное блюдо, — прокомментировал Грэг с интонацией сомелье, рекомендуемого вино к ужину. — Суп «Тоска зелёная». Уникальный рецепт. Вкус напоминает слёзы и понедельник. Очень питательно. Очень... эмоционально насыщено. Рекомендую попробовать на обед.

Аня сглотнула. Есть то, что плачет у тебя в тарелке, ей решительно не хотелось.

— Спасибо, — выдавила она. — Я, пожалуй, пока воздержусь. У меня пост. Духовный.

— Понимаю, — Грэг кивнул. — Многие новоприбывшие испытывают трудности с адаптацией к нашей кухне. Но не волнуйтесь. Со временем вы привыкнете. У нас обширное меню. На завтрак, например, подают кашу «Слеза комсомолки» и омлет, который подмигивает глазом из помидорки.

— Звучит многообещающе, — пробормотала Аня. — Особенно омлет.

Они покинули столовую и двинулись дальше по бесконечному, тёмному коридору, стены которого были обшиты дубовыми панелями. Панели кое-где были поцарапаны, и царапины складывались в странные, тревожные узоры, похожие на чьи-то отчаянные сообщения, написанные на неизвестном языке.

Комната отдыха оказалась просторным залом с низкими, сводчатыми потолками. Вдоль стен стояли кресла-мешки. Они были огромными, мягкими, самых разных оттенков серого — от светло-жемчужного до мрачного, грозового. И они дышали. Аня остановилась как вкопанная, глядя на то, как бока ближайшего кресла мерно вздымаются и опадают. Из его глубины, откуда-то из складок ткани, доносился тихий, размеренный звук — не то храп, не то мурлыканье огромного кота.

— Это Пушистики-Депрессняки, — пояснил Грэг, заметив её замешательство. — Наша гордость. Живые существа, прошедшие специальную селекцию. Их используют для релаксации. Вы садитесь в такое кресло, а оно вздыхает, и вы успокаиваетесь. Очень полезно для нервной системы. Ну, для той, что у вас осталась.

— У меня, насколько я понимаю, нервной системы больше нет, — напомнила Аня. — Как и остальных систем. Я — душа.

— О, это заблуждение, — Грэг покачал головой с видом профессора, поправляющего нерадивого студента. — Здесь, в Пограничье, вы вполне осязаемы. Ваше тело — это проекция вашего самовосприятия. Ваши страхи, ваши переживания, ваши... неврозы — всё это имеет физическое воплощение. И может быть измерено, переработано и, при необходимости, утилизировано. Поэтому наши Пушистики так эффективны. Они поглощают лишнюю тревогу.

Аня бросила ещё один взгляд на ближайшего Пушистика. Он вздохнул во сне и слегка пошевелился. На его сером боку она заметила нечто, похожее на бирку с инструкцией по уходу.

— А если я на него сяду, он не проснётся? — спросила она с опаской.

— Проснётся, — спокойно ответил Грэг. — Но это не страшно. Они абсолютно безопасны. Хуже, чем лёгкая апатия на пару часов, ничего не будет.

Аня решила, что лёгкой апатии ей и так хватит, и благоразумно отошла от кресел подальше.

Последней точкой их экскурсии стала библиотека. Она располагалась в отдельном крыле здания, куда вела массивная дубовая дверь с медной табличкой: «Библиотека. Тишина. Очень. Чрезвычайно». Когда Грэг толкнул дверь, Аня ожидала увидеть ряды пыльных стеллажей и стопки книг. Но реальность, как всегда в этом месте, превзошла ожидания.

Библиотека была круглой. Высокие, уходящие в тёмную высь стены были сплошь уставлены книгами. Но книги стояли не на полках — они парили в воздухе, медленно вращаясь, словно планеты на невидимых орбитах. Воздух был наполнен постоянным, тихим, непрекращающимся шёпотом — книги разговаривали. Они не шелестели страницами, а именно разговаривали. Перешёптывались, обменивались замечаниями, сплетничали.

— «Смотри, смотри, новенькая...» — услышала Аня откуда-то слева, где парил потрепанный томик в кожаном переплёте.

— «В тапке-зайце, какая прелесть...» — отозвался другой, чуть повыше, более толстый и богато украшенный золотым тиснением.

— «Интересно, долго ли она здесь протянет?.. Помнишь предыдущую?.. До первого обеда...» — прошелестел третий, тощий и явно зачитанный до дыр.

Аня ошеломлённо смотрела на этот летающий книжный базар.

— Это наша библиотека, — с лёгкой гордостью произнёс Грэг. — Книги здесь содержат информацию обо всех душах, когда-либо попадавших в Пограничье. Но они, как видите, несколько... своевольны. И болтливы. Не советую вам доверять всему, что они говорят. Большая часть — это слухи и сплетни.

— А как найти нужную информацию? — спросила Аня, провожая взглядом проплывающий мимо толстый фолиант, который, судя по тиснёным буквам на корешке, назывался «Полный справочник по нелепым смертям, том V: Фрукты и Овощи».

— Никак, — любезно ответил Грэг. — Информация находит вас сама. Если захочет. Если нет — значит, вы ещё недостаточно эмоционально открыты. Всё индивидуально.

Это был последний гвоздь в крышку гроба её надежд на рациональное устройство этого места.

— А теперь, — Грэг повернулся к ней и впервые за всё время убрал свою фальшивую улыбку, став совершенно серьёзным. — Думаю, вам пора отдохнуть. Акклиматизация. Палата № 13. Ваш сосед уже ожидает. Скелет-портье проводит вас.

— Сосед? — насторожилась Аня.

— Да. Мы практикуем парное размещение. Это способствует... более интенсивной эмоциональной динамике. Уверен, вы поладите.

С этими словами Грэг просто... исчез. Не ушёл, не растворился, не свернулся в воронку. Просто перестал быть. Секунду назад он стоял перед ней, а в следующее мгновение на его месте была лишь тень колонны и холодный, пустой воздух. Аня вздрогнула и огляделась. Она стояла на том же месте, но Грэга не было. Вместо него рядом материализовался скелет-портье со своим вздыхающим степлером.

— Пойдёмте, — дребезжаще произнёс он. — Палата номер тринадцать. Ваш этаж. Ваше крыло. Ваша... — он замялся, — койка.

Они поднялись по широкой, мраморной лестнице, ступеньки которой были истёрты тысячами невидимых ног. На стенах вдоль лестницы висели портреты. Аня скользнула по ним взглядом и тут же пожалела об этом. На портретах были изображены люди и не-люди, застывшие в моментах глубочайшего, предельного страдания. Одна картина изображала женщину, сидящую перед горой неглаженного белья, и выражение её лица было таким, словно она увидела конец света и он не произвёл на неё впечатления. Другой портрет показывал старика, который застыл, глядя в пустой кошелек. Третий — мужчину в деловом костюме, который пытался дозвониться кому-то по старинному дисковому телефону, и на его лице застыла гримаса бессильной ярости. Аня заметила и ещё одну деталь: у всех портретов, словно в насмешку, были подписаны имена. «Гертруда. Третий круг отчаяния». «Бенедикт. Преддверие паники». «Эльза. Вечная командировка».

Они свернули в коридор. Коридор был длинным, с рядом дверей по обеим сторонам. Двери были пронумерованы: 1, 2, 3... 11, 12... 13.

— Вот, — скелет остановился и указал костлявым пальцем на дверь, которая ничем не отличалась от остальных, кроме номера. — Палата номер тринадцать. Ваш ключ.

Аня протянула руку, и скелет вложил ей в ладонь старый, тяжёлый ключ с витиеватой бородкой.

— А где мой сосед? — спросила она, поворачивая ключ в замке.

— Сосед? — скелет-портье издал звук, который, наверное, должен был быть смешком, но больше напоминал кашель. — Сосед уже здесь. Он ждёт. Удачи.

И он поспешно удалился, бренча костями и прижимая к груди свой треклятый степлер.

Аня толкнула дверь и вошла.

Палата оказалась просторнее, чем она ожидала. Это была большая комната, разделённая аркой на две половины. На левой стороне стояла кровать, застеленная полосатым, как и подушки в столовой, покрывалом, тумбочка с одинокой, слабо мерцающей свечой и шкаф, который едва заметно вздрагивал и вздыхал — явно родственник Пушистиков-Депрессняков. На правой стороне, в такой же обстановке, было темно и мрачно, а у окна, задрапированного тяжёлой бархатной шторой, стоял кто-то.

Это был высокий мужчина, закутанный в длинный, до пола, чёрный плащ. Плащ был из плотного, явно дорогого бархата, но по подолу шли подпалины и прорехи, словно его владельца не раз и не два пытались поджечь. Из-под плаща выглядывали высокие сапоги из чёрной кожи, а на плечах, там, где материя чуть топорщилась, угадывались контуры не то наплечников, не то сложной, шитой серебром вышивки — остатков бывшего величия. Мужчина стоял спиной к Ане, и его поза была преисполнена такого трагического пафоса, такой бездонной, театральной скорби, что ему позавидовал бы любой актёр провинциального театра.

Но что-то было не так. Мужчина стоял, чуть наклонившись вперёд, и его левая рука дёргалась. Он, кажется, запутался в шторе. Да. Он определённо запутался. Его пафосный, широкий рукав зацепился за кисточку портьеры, и он пытался его высвободить, стараясь при этом сохранять зловещий вид. Получалось плохо.

Аня кашлянула.

Мужчина вздрогнул, резко обернулся, но его рукав остался намертво прицепленным к шторе, и в результате он потерял равновесие и был вынужден схватиться за подоконник, чтобы не упасть. Штора с треском оторвалась от карниза и повисла у него на руке.

Теперь Аня могла разглядеть его лицо. Оно было бледным, с тонкими, словно высеченными из мрамора чертами, высокими скулами и тёмными, глубоко посаженными глазами, в которых плескалась такая вселенская печаль, что её хватило бы на целую оперу. Волосы, иссиня-чёрные, были уложены в высокую, старомодную причёску, слегка растрёпанную после схватки со шторой. На лбу темнела тонкая, изящная татуировка в виде какого-то рунического символа — то ли знака тёмной власти, то ли ценника, оставшегося после распродажи.

Мужчина выпрямился, отцепил злосчастную штору и отбросил её в сторону с видом короля, отвергающего недостойный дар. Затем он повернулся к Ане, расправил плечи, взмахнул плащом (тот эффектно взвился, но потом бессильно опал, потому что в комнате не было ветра) и произнёс ледяным, хорошо поставленным голосом, который был явно рассчитан на то, чтобы сеять ужас в сердцах простых смертных:

— Я должен тебя предупредить, смертная.

Аня скрестила руки на груди и приготовилась слушать.

— Я — Бенедикт фон Тьма, — произнёс он, и в его голосе зазвенел металл. — Тёмный Властелин Двенадцати Королевств, Повелитель Чёрной Башни, Ужас Западных Пределов, Кошмар Семи Морей, Бич Небесной Сферы и... — он на мгновение запнулся и добавил почти скороговоркой, — ...бывший.

— Аня, — коротко представилась она. — Менеджер по продажам окон ПВХ. Тоже бывший. В некотором роде.

Бенедикт, казалось, был слегка обескуражен таким ответом. Он явно ожидал криков ужаса, дрожи в коленках, может быть, мольбы о пощаде. Но перед ним стояла женщина в трениках и с одним тапком, которая смотрела на него с лёгким, почти профессиональным любопытством.

— Ты не боишься? — уточнил он после паузы.

— Я только что прошла через смерть, очередь в загробную канцелярию, межпространственную воронку и экскурсию от лысого типа, который обещает превратить мою панику в валовый продукт, — ровно ответила Аня. — После этого, простите, один Тёмный Властелин, даже в комплекте со штормой — это не страшно. Это почти уютно.

Бенедикт открыл рот, чтобы возразить, но в этот момент его взгляд упал на что-то в углу. Он побледнел ещё больше (что, казалось, было невозможно), и его дыхание перехватило, словно он увидел самое страшное существо во всех Двенадцати Королевствах.

— Паук, — прошептал он, и его голос утратил всю свою ледяную мощь, став тонким и почти жалобным. — Там. В углу. На потолке.

Аня проследила за его взглядом. В углу, на стыке стены и потолка, сидел паук. Самый обычный, домашний паук, размером с ноготь большого пальца. Он мирно плёл паутину и явно не собирался ни на кого нападать.

— И что? — спросила Аня.

— Что значит «и что»?! — голос Бенедикта сорвался на фальцет. — Это же паук! Он может спуститься! Он может заползти в ухо! Или в нос! Или... ик!!!

Он чихнул. Громко, оглушительно, содрогаясь всем телом. И ещё раз. И ещё.

— Апчхи!!! Проклятая пыль!!! Апчхи!!!

Аня перевела взгляд на паутину, которая, действительно, была запущена и собирала на себя всю пыль в радиусе метра. Затем посмотрела на чихающего, беспомощного Тёмного Властелина и приняла решение.

— Ясно, — сказала она. — Аллергия на пыль и боязнь пауков. У Тёмного Властелина Двенадцати Королевств. Понятно.

— Это не аллергия! — возмутился Бенедикт сквозь очередной чих. — Это проклятие! На меня наложила его одна ведьма! В отместку! За то, что я... ну, неважно! Апчхи!

— Конечно, проклятие, — покладисто согласилась Аня, которая за годы работы в продажах научилась не спорить с клиентами, даже самыми неадекватными. — Посидите здесь. Я сейчас.

Она вышла в коридор и быстрым шагом направилась к лестнице. Скелет-портье всё ещё стоял на своём посту и терзал степлер.

— Простите, — Аня подошла к нему. — У вас не найдётся стаканчика? Или баночки? Или чего-нибудь, что можно использовать для ловли насекомых?

Скелет молча наклонился, пошарил под конторкой и извлёк на свет старый, помятый картонный стаканчик, на боку которого красовалась надпись выцветшими буквами: «Кофе "Мечта бухгалтера"». Затем, после секундного колебания, он добавил к стаканчику ещё и кусок картона — видимо, для крышки.

— Спасибо, — искренне поблагодарила Аня. — Вы — первый адекватный человек... простите, скелет... простите, сотрудник этого учреждения, который мне помог.

Скелет издал звук, похожий на скрип несмазанной петли, что, вероятно, означало «не стоит благодарности» или «я просто устал от всего этого».

Аня вернулась в палату. Бенедикт сидел на своей кровати, сжавшись в комок и с ужасом глядя в угол. При её появлении он попытался принять гордый, независимый вид, но очередной приступ чихания помешал.

— Я... апчхи!.. я не боюсь... апчхи!.. я просто предпочитаю держаться от них подальше...

— Конечно, — Аня взяла стул, подставила его к стене, взобралась на него и аккуратно, точным, отработанным движением (она как-то раз ловила так муху для фикуса Альберта — тот, по слухам, любил охоту) накрыла паука стаканчиком. Затем подсунула под стаканчик кусок картона и, зафиксировав пленника, спустилась вниз. — Вот и всё.

— Ты... ты поймала его? — Бенедикт смотрел на стаканчик в её руках с благоговейным ужасом.

— Да. Это несложно. Сейчас я его выпущу в коридор.

— Не надо в коридор! — быстро сказал Бенедикт. — Там... там другие комнаты. Вдруг он вернётся. Выпусти... выпусти в окно.

Аня пожала плечами, подошла к окну, открыла створку (за окном, к её удивлению, оказался не пейзаж, а густой серый туман, в котором ничего не было видно) и аккуратно стряхнула паука в эту серую неизвестность.

— Готово.

Бенедикт выдохнул с облегчением. Он смотрел на Аню так, словно она только что в одиночку победила армию тьмы.

— Ты... — начал он, подбирая слова. — Ты невероятна. Как тебя зовут, смертная? Я не расслышал.

— Анна. Можно просто Аня.

— Аня, — повторил он. — Ты спасла меня. Тёмного Властелина. От паука. Это... уни- зительно. И великолепно. Я у тебя в долгу.

— Не стоит, — отмахнулась Аня. — Это мелочь. Лучше скажите мне вот что: что это за место на самом деле? Грэг — он кто? И чем здесь вообще занимаются?

Лицо Бенедикта омрачилось. Он снова дёрнулся, чтобы взмахнуть плащом, но вовремя вспомнил, что штора всё ещё валяется на полу, и ограничился простым, полным достоинства жестом.

— Это место, — произнёс он тихо и серьёзно, — санаторий «Вечный Покой». Но это не санаторий. Это тюрьма. Или фабрика. Я ещё не разобрался. Грэг — это Главный Врач-Администратор. Он управляет всем. И он... он страшнее любого Тёмного Властелина, потому что он не злой. Он эффективный. А это, поверь мне, гораздо, гораздо хуже.

— Эффективный менеджер, — задумчиво повторила Аня. — Да, я заметила.

— Ты должна быть осторожна, Аня, — продолжил Бенедикт. — Здесь каждый — не просто так. У каждого — сломанный сценарий. Я, например... — он замялся, словно не хотел продолжать, но потом всё же решился. — Я должен был стать величайшим Тёмным Властелином в истории Двенадцати Королевств. Моё имя должны были произносить шёпотом, а моя тьма должна была поглотить всё живое. Но... я выбрал неправильный шрифт.

— Что, простите? — Аня решила, что ослышалась.

— Шрифт, — повторил Бенедикт с горечью. — Для Великого Пророчества, которое должно было возвестить о моём пришествии. Нужно было использовать готический, но я... я выбрал Comic Sans. И никто не воспринял пророчество всерьёз. Избранная, которая должна была дрожать при одном упоминании моего имени, просто рассмеялась мне в лицо. Сказала, что это «выглядит дружелюбно». Дружелюбно!!! Я, Ужас Западных Пределов — дружелюбный! После этого всё пошло прахом. Битва была проиграна, меня изгнали, сценарий аннулировали. И вот я здесь.

Аня не знала, что сказать. Она чувствовала, что должна посочувствовать, но почему-то испытывала только дикое, неудержимое желание рассмеяться. Comic Sans. Тёмный Властелин, погубивший свою карьеру из-за Comic Sans. Это было так нелепо, так чудовищно, так... в духе всего этого места.

— Я понимаю, — сказала она наконец, сдерживая смех. — У меня, видимо, тоже какая-то ошибка в сценарии. Мне пока не сказали, какая именно.

— Узнаешь, — мрачно пообещал Бенедикт. — Всё узнаешь. А пока... — он вдруг поднялся, выпрямился во весь рост и отвесил ей церемонный, почти рыцарский поклон. — Добро пожаловать в Пограничье, Анна. И спасибо. За паука.

— Не за что, сэр Бенедикт, — ответила Аня. — Обращайтесь, если что. С насекомыми у меня опыт. У меня дома фикус, и я...

Она не договорила. В дверь постучали. Скелет-портье, просунув в щель свой череп, дребезжаще объявил:

— Отбой через десять минут. Всем пациентам находиться в своих палатах. Тихий час. До следующего тысячелетия.

И исчез.

Аня и Бенедикт переглянулись.

— Что ж, — сказала Аня. — Приятно было познакомиться. Думаю, нам пора спать.

— Смертные спят, — напомнил Бенедикт. — Ты теперь не смертная.

— Тогда я просто полежу с закрытыми глазами и буду делать вид, что меня здесь нет. Это успокаивает.

Бенедикт кивнул и отвернулся к своему окну, снова приняв ту самую трагическую, полную скорби позу, в которой она застала его в первый раз. Только теперь в этой позе не хватало шторы.

Аня перешла на свою половину комнаты, села на кровать и огляделась. Кровать была застелена тем самым полосатым покрывалом, полосы на котором медленно пульсировали и переливались. Тумбочка у изголовья была пуста, если не считать одинокой свечи, которая горела ровным, тихим пламенем, но не давала ни тепла, ни запаха. Шкаф в углу мерно вздыхал. На стене висело зеркало в тяжёлой, резной раме.

Аня подошла к зеркалу и заглянула в него. И вздрогнула. Её отражения не было. Вместо него по ту сторону стекла клубился густой, белёсый туман, в котором смутно угадывались какие-то тени. Тени двигались, перетекали, меняли очертания, но ни одна из них не была её отражением. Аня поднесла руку к стеклу — туман за стеклом колыхнулся, но не отозвался. Она опустила руку.

«Зеркало без отражения, — подумала она. — Шкаф, который вздыхает. Кровать, которая дышит. Книги, которые сплетничают. Пол, который изображает ночные кошмары. Что дальше? Унитаз, который даёт непрошенные советы?»

Она легла на кровать и уставилась в потолок. Потолок был высоким, тёмным, с лепниной по углам, изображавшей, кажется, сцены из греческой мифологии. Но и здесь не обошлось без местного колорита: вместо богов и героев лепнина изображала людей, пытающихся собрать мебель из «Икеи» без инструкции. Выражения их гипсовых лиц были полны такого отчаяния, что Аня поспешила отвести взгляд.

Она закрыла глаза.

И тут из вентиляционного отверстия, расположенного в углу, прямо над её кроватью, донёсся звук. Тихий, едва слышный, похожий на шелест листьев или на чьё-то прерывистое дыхание. Аня замерла, прислушиваясь. Звук становился громче, отчётливее, и вскоре она смогла разобрать слова.

Это был тонкий, детский, но абсолютно жуткий шёпот, который не принадлежал ни одному живому существу. Он доносился из вентиляции, искажённый металлом и расстоянием, и звучал так, словно его произносил ребёнок, который никогда не улыбался.

— Не ешь суп... — прошептал голос. — Не ешь суп по средам...

Аня села на кровати. Сердце забило чаще, хотя, казалось бы, оно не должно было биться вовсе. Холодок пробежал по спине, и пальцы на ногах сжались.

— В супе по средам — морковь... — продолжал шёпот, и в нём появились нотки какой-то нездоровой, лихорадочной радости. — А от моркови... от моркови, знаешь что?..

Аня затаила дыхание.

— ВСЁ КРАСНОЕ!!! — выкрикнул голос, и этот крик сорвался в истерический, захлёбывающийся смех, который тут же оборвался, оставив после себя только эхо и звенящую тишину.

В комнате снова было тихо. Бенедикт, казалось, ничего не слышал — он всё так же стоял у своего окна и смотрел в серый туман. Шкаф вздохнул. Кровать под Аней едва заметно пошевелилась.

Она легла обратно, глядя в тёмный потолок с его безумной лепниной.

«Значит, по средам — морковь, — подумала она, и эта мысль была настолько глупой и нелепой, что ей снова захотелось смеяться. — И от неё всё красное. Отлично. Просто отлично. Завтра, кажется, среда».

И, прежде чем провалиться в тяжёлое, тревожное забытьё, которое заменяло здесь сон, она успела подумать, что это только начало. Только самое-самое начало.

И что завтрак ей, определённо, не понравится.

Глава 3: «Завтрак утопленников»

Пробуждение, если это можно было так назвать, вышло таким же бесцеремонным, как и всё в этом месте. Никакого мягкого перехода от забытья к бодрствованию, никакого сладкого потягивания и размышлений о планах на день. Вместо этого — грохот. Оглушительный, всепроникающий, сотрясающий стены грохот, похожий на звук, с которым бетономешалка падает с десятого этажа в пустой бассейн. Аня подскочила на кровати, едва не свалившись на пол. Её босая нога инстинктивно дёрнулась, нащупывая опору, а сердце, которое, казалось бы, не должно было биться, заколотилось где-то в районе горла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.